

Гейдар Джахидович Джемаль

Фото Святослава Пономарева

ПО ТУ СТОРОНУ _____

_____ НЕБА БЕЗ ЗВЁЗД

Памяти Гейдара Джемала

Издательский Дом ЯСК

Гнозис

Москва 2022

УДК 1/14 / 297
ББК 87.2 / 86.38
П 41

П 41 По ту сторону неба без звёзд: памяти Гейдара Джемала / Сост. С. А. Жигалкин. — М.: Издательский Дом ЯСК: М.: Гнозис, 2022. — 398 с., ил. — (Вклейка после с. 376)

ISBN 978-5-907498-04-4

Гейдар Джахидович Джемаль — философ, теолог, метафизик, геополитик, поэт и, кроме того — а может быть, и прежде всего, — твердый в вере своей мусульманин. Знаковая фигура московского интеллектуального андеграунда 1960–80-х гг. Один из основателей «Южинского кружка». Известный общественный и политический деятель, создатель Исламского комитета России.

Наследие этого выдающегося мыслителя (ряд интереснейших книг, множество видео- и аудиозаписей лекций, бесед, выступлений) — ценнейший материал как для нашего, так и для будущих поколений.

В этой книге о метафизике, позициях, взглядах Гейдара Джемала, а также о нем самом размышляют близко знавшие его люди — интеллектуалы, философы, политики, литераторы, мусульмане различных конфессий и направлений.

УДК 1/14 / 297
ББК 87.2 / 86.38

ISBN 978-5-907498-04-4

© Авторы, 2022
© Жигалкин С. А., сост., 2022
© «Издательский Дом ЯСК», оформление, макет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Дугин. Черная чаша Гейдара Джемалья</i>	7
<i>Сергей Жигалкин. Сожги бесполезное «это»:</i> о метафизике Гейдара Джемалья	14
<i>Игорь Дудинский. Ориентация — Джемаль</i>	28
<i>Владимир Рынкевич. Гегель, дым и Маллармэ</i>	47
Память	47
Гегель, дым и Маллармэ	49
Урок	57
Черная благодарность	59
<i>Максим Трефан. Вспоминая Гейдара</i>	62
<i>Наталья Мелентьева</i> Гейдар Джемаль: творить небывалое.	68
«Я верю только в черный смерч»: о поэзии Гейдара Джемалья.	138
<i>Александр Проханов. Прощай, Джемаль! (некролог)</i>	197
<i>Владимир В. Видеманн. Гейдар Джемаль</i> в оптике балтийского друга	199
<i>Гамид Херисчи. Артефакт</i>	223
<i>Максим Шевченко. О том Гейдаре,</i> которого я видел и которого знал	232
<i>Динмухамед Миржакып. «Разве Мы не раскрыли</i> тебе твою грудь?»	247
<i>Орхан Джемаль. Об отце</i>	284
<i>Илья Пономарев. Мой друг Гейдар Джемаль.</i>	293
<i>Шамиль Султанов. «Человек есть нечто,</i> что должно превозмочь»	296
<i>Мухамед Саляхетдинов. Об участии Гейдара Джемалья</i> в исламских организациях и движениях	301

<i>Алексей Малащенко. Гейдар — это фактор</i>	306
<i>Джабраил Хачилаев. Гейдар Джемаль</i>	308
<i>Надежда Кеворкова. «Причастность к этому дискурсу превращает бомжа в героя»</i>	310
<i>Мухаммад Салих. О Гейдаре Джемале</i>	326
<i>Александр Гунин. Вызов тлену и времени</i>	329
<i>Марк Фейгин. Пророк Конца</i>	332
<i>Мукаддас хазрат Бибарсов. Несколько слов о Гейдаре Джемале</i>	335
<i>Мухаммад Карачай. Гейдар эфенди</i>	339
<i>Ахмед Магомедов. Черное сияние</i>	346
<i>Шамиль Казалиев. Встреча с Джемалем</i>	353

Приложения

<i>Гейдар Джемаль. Луна и театр</i>	363
<i>Некоторые книги и сайты Гейдара Джемалья</i>	374
<i>Фотографии</i>	377

*Принципом «черной дыры» в бесконечности
является Субъект, находящийся за пределами
беззвездного неба*

Гейдар Джемаль

Александр Дугин

ЧЕРНАЯ ЧАША ГЕЙДАРА ДЖЕМАЛЯ

Писать о Гейдаре Джахидовиче Джемале чрезвычайно трудно. Я был его близким другом и в каком-то смысле учеником много лет, причем таких, когда день равнялся тысячелетию. Поэтому думать и говорить о Джемале для меня все равно, что попытаться сформулировать обобщающие мысли о метафизике, онтологии, Вселенной и об их глубинных и неожиданных парадоксах. Разве это возможно? Джемаль был в чем-то больше, чем мир. Он объявил войну самому бытию и держался до конца на гребне этой невыполнимой задачи.

Что понимал Гейдар Джахидович Джемаль под «бытием»? Всё вообще — всеобщее всеобъемлющее Всё. Включая небытие. Парадокс? Ну да, парадокс. У Иоанна Скота Эриугены мы видим не менее странное определение «природы», куда он включает и несотворенного Бога-Творца, и сотворенный Творцом мир, и его часть, в свою очередь способную к творению и не способную к творению, и даже нетворящую чистую сущность несотворенного Творца. Вот как бывает в истории метафизики, философии и мистики. Джемаль понимал под «бытием» нечто столь же масштабное, что и Иоанн Скот Эриугена под «природой». А может, и еще нечто более масштабное. И всему этому Джемаль говорил резкое и контрастное «нет».

С его точки зрения, понятое таким — тотальным! — образом бытие является метафизической фикцией, иллюзией, выдающей свою ничтожность за изобилие. И эта иллюзия была бы полностью действенной, не будь феномена человеческой мысли. Именно мысль — как нечто невозможное, не бытийное, исключительное —

приоткрывает механизм онтологической иллюзии. Мысль несет в себе подозрение об истинной трансцендентности, которая и заставляет прозревать тщету бытия — кризис реальности. Причем не как гностическое утверждение чего-то еще за пределом Всего: именно отсутствие чего бы то ни было за пределом Всего и становится отправной точкой глубоко трагической — отчаянной — мысли, фиксирующей свою конечность и обреченность как своего рода судьбу бытия.

Намек на противопоставление бытия и мысли мы видим у Майстера Экхарта, но сам Джемаль не выносил никаких аналогий, хотя бы отдаленно напоминающих его собственную философию, начиная любой анализ сходных и тем более несходных теорий, также указывающих на предельные формы экстремального трансцендентализма, с традиционного «нет». Джемаль понимал свою философию и свою битву с бытием как нечто беспрецедентное, и если встречал что-то пусть отдаленно ее напоминающее, немедленно искал подвох и скрытый компромисс с тем же «бытием», а если не находил, то готов был еще и еще радикализировать свои собственные позиции.

Впервые Гейдар Джемаль системно изложил свою философию в труде «Ориентация — Север» — совершенно беспрецедентном произведении, требующем особого прочтения — почти невозможного, если не быть посвященным в лабиринты и терминологические и концептуальные основы мировоззрения Джемалья, которые, в свою очередь, нигде письменно не фиксировались и передавались устно — причем иногда даже в такой ситуации, когда слушателей не было или ими были неважно кто. Евгений Головин, пытаясь определить статус Джемалья, однажды употребил в его отношении эвристический термин «*parleur*», то есть энонциатор. Акт энонциации, провозглашения, произнесения особых, тщательно выверенных тезисов, был для Джемалья, действительно, чем-то совершенно особым. Он с горечью наблюдал, как тайное слово умирает в письме, и практически никогда не был доволен ни написанным им, ни записанным. Запись его высказанных вслух мыслей была почти единственным приемлемым для него компромиссом. Письмо превращало живой акт восставшего на бытие сознания во что-то фиксированное, а значит, — по Джемально — в отчужденное

и мертвое. Поэтому, на мой взгляд, восстановить истинную семантику его речи, его метафизической энонциации для тех, кто не мог слышать его живых слов — причем слов, отнесенных именно к метафизике, — на основании оставшихся от него записей почти невозможно. Джемаль обладал метафизическим даром превращать знакомые слова, термины и понятия в совершенно незнакомые, и наоборот: смысл темных выражений и символов внезапно открывался перед внимательным слушателем с невероятно контрастной очевидностью. Джемаль был пророком метафизики — не комментатором и толкователем, но тем, кто провозглашает и тем самым создает смыслы, а не выводит их из тонкой герменевтической деятельности.

Поэтому Джемалья мы не можем отнести ни к одной школе, ни к одной традиции, ни к одному течению. Он всегда хотел быть и был *вне*.

Однажды мы говорили с ним о психологическом тесте. На нарисованном на белом листе бумаги круге надо было поставить в произвольном месте точку. Банальный человек — и я оказался в их числе — ставит точку в центре круга. Не задумываясь. Это символ солнца и золота в алхимии, отметка Абсолютного Центра. Не так уж и банально. Но не для Джемалья. Для него в таком автоматизме давала о себе знать фундаментальная иллюзия бытия: убежденность в том, что в центре бытия находится блаженство, полнота, изобилие, бессмертие, — это гигантский обман. Там находится черная дыра, скрывающая себя под маской... «Бога». Сам Джемаль уверенно ставил точку на периферии круга. Именно там находится сознание, обреченное, пустое, нищее по отношению к бытию, конечное, смертное, временное, но способное заглянуть за тайный предел, в трагическом отчаянии прорвать завесу самодостаточного — но метафизически фиктивного — блаженства. Поставив точку на периферии круга, Джемаль поправлял сам себя. «Есть и такие, кто ставит точку вообще за пределом круга. Это говорит о возможном психическом заболевании, но и оно метафизически релевантно. Однако и это не исчерпывает всех возможностей парадоксальных зигзагов мысли — есть и такие, кто резким жестом переворачивает белый лист и ставит точку с обратной стороны...» Такой порыв у самого Джемалья явно вызывал одобрение и даже

некоторую ревность. Точка сознания — энонциативное ядро жесткой и бескомпромиссной метафизики — находится совершенно вне самозамкнутого круга бытия — на иной стороне.

В «Ориентации — Север» Джемаль говорит о негативном духе, пробивающем онтологическую массу и оставляющем в ее непрерывной ткани два разрыва параболического вторжения. Это и есть обоснование позиции сознания, обнаружившего подвох бытия (позитивного духа) и зафиксировавшего кризис реальности. Такой трансцендентализм еще как-то можно было принять. Но... Позднее, ближе к концу 80-х, в философии Джемалья произошел резкий разрыв. Теперь он уже и сам «негативный дух» как вторжение чистой трансцендентности, размыкающей непрерывность имманентного бытия (в понимании Джемалья), считал оптической иллюзией и исключал из метафизического рассмотрения. У бытия нет альтернативы и за его пределом ничего нет, в том числе и «негативного духа». И именно то, что бытие (включающее в себя небытие и то, что вне Джемалья — например, в платонизме — считается «трансцендентностью») не имеет альтернативы, и делает ситуацию сознания по-настоящему отчаянной. Нет и параболического вторжения, а есть только необъятный массив бытия и ничего, кроме него. Но именно этому массиву и бросает вызов мыслящий субъект, не имея никакой опоры вообще. Война с бытием бескомпромиссна. Она ведется от лица сознания и смерти и ничем не может быть вознаграждена, обоснована или подтверждена.

Пункты 70 и 71 в главе «Смерть» в «Ориентации — Север» звучат так:

70. Прекращение вселенского диалога через истинную смерть есть постижение великого отсутствия, выраженного в местоимении ОН.

71. Победа в великой священной войне приводит к знанию великого отсутствия.

Ранее в этой главе фигурировало «помимобытие», от которого Джемаль позднее также откажется. И даже «великое» применительно к отсутствию ему станет резать слух. Да и само отсутствие станет представляться чем-то не достаточно сильным. Останется

только смерть, как нечто абсолютно необратимое — не восстанавливаемое, но и не растворяющее в бытии. Это напоминает суфийское «фана», исчезновение в Боге, да и само обращение к личному (на самом деле указательному, ставшему личным) местоимению «Он», هُوَ по-арабски, на первый взгляд резонирует с исламским монотеизмом. Однако и это Джемаль трактовал — особенно позднее — совершенно особо. Во-первых, он помещал всю онтологию суфизма в бытие, отвергая ее как часть онтологической иллюзии. Причем его неприязнь к суфизму возрастала со временем вплоть до салафитских и ваххабитских позиций. Но, во-вторых, и к салафизму и ваххабизму, где апелляция к «Нему» снимает любую онтологическую претензию твари, у Гейдара Джемалья были вопросы: действительно ли так уж и снимает? Не прокрались ли в буквализм ваххабитской экзегезы, то есть ее полного отсутствия, мотивы грубого имманентизма? Понимают ли крайние трансценденталисты весь метафизический масштаб «великого отсутствия»? Но если на суфизм поздний Джемаль обрушивался открыто, с салафизмом и ваххабизмом он предпочитал в открытую полемику не вступать. Уточню: я говорю о Джемале как об уникальном метафизике, разбор его религиозных позиций не входит в мои задачи и лежит за гранью моей компетенции.

Метафизика Джемалья — это метафизика великого отсутствия, чистой смерти. Смерти по ту сторону великого возвращения или диссипативной гибели. Когда Джемаль говорил и думал о смерти, он видел сияние черного света. Это было его аргументом. Это было обратной стороной сознания — но не бытия. Поэтому смерть была опорой его мысли. А его мысль была одной сплошной мыслью о «великом отсутствии» или о «чистом отсутствии».

Однажды он спросил меня: «Ты знаешь, чем мы станем, когда умрем»? Я ответил неопределенной гримасой темной иронии и встревоженного недоумения. «Мы будем вихрями черной чаши». Под «мы» он имел в виду только себя. Себя одного или даже себя как минус одного.

Говорить о Джемале следует в особом режиме. Наверное, найдется всего несколько человек во всем человечестве, которые способны быть в это вовлечены. Остальных подхватит центробежный вихрь его резких высказываний, которые без герменевтического

ключа — а именно он-то и составляет в Джемале главное — будут лишь смущать, ставить в тупик или поражать своей экстравагантностью. Они построены по логике постановки точки где угодно, только не там, где все ожидают. Также в слова и фразы с темной агрессией и ядовитой иронией помещался Джемалем и особый — внятный подчас только ему самому — смысл.

Однажды мы заговорили с ним о конспирологии. Он спросил меня, почему я положительно высказался о каком-то никчемном и эфемерном политическом деятеле (о ком, уже не помню: люди — сухие листья). Я рассказал, что на первом уровне конспирологии он не совсем «наш», но на втором «наш». То есть я отозвался о нем «хорошо» в силу двухуровневой конспирологии. Такое объяснение развеселило Джемалю, и он заметил: «Тогда я нахожусь на 64-м уровне конспирологии». При этом некоторые уровни он сознательно пробегал или вообще упускал из виду, строя семантические небоскребы, пропуская целые этажи. Конечно, это чаще всего было непонятно, а если и выглядело понятным, то только в силу случайного совпадения.

Когда-то в начале 80-х Джемаль предложил мне вместе с ним работать над книгой. Часть его речей я попытался редактировать. Но быстро признал неспособность к этому. Я не мог редактировать того, чего не понимал. Появилось море вопросов и предложений, которые, конечно, искажали рвущуюся за пределы мысль. Это была так и не написанная книга «Кризис Реальности». Я до сих пор, наталкиваясь на ее тезисы, впадаю в оторопь и смущение. Принцип 64-го уровня конспирологии Джемаль применял не только к политике, но и к философии, и особенно к своей философии, где он старался говорить «языком без укрытия», но только такие вещи и слова, которые располагались бы на звездном расстоянии от любых понятных, приемлемых и банальных формулировок. Все предшествующее в самой структуре высказывания Джемалю подвергалось немедленному отрицанию и преодолению, как только возникал намек на понятность. Джемаль переворачивал лист своего дискурса и искал новых и новых мест, куда бы никто вообще никогда и ни при каких обстоятельствах не догадался бы поставить точку. Стоило мне заметить: «У Василида есть сходная мысль», он стирал свою точку, произносил «нет» и искал нового

места, куда бы ее поместить, чтобы больше никакому «Василиду» это в голову уж точно не пришло.

Смерть Джемаля была его доказательством, последним аргументом. Правда, он любил агрессию и насилие, а умер от тяжелой, гнетущей и мучительной болезни. Но это была именно смерть, его смерть, которая не имела со смертью всех других никакой общей меры. Через этот уникальный опыт — смерти Гейдара Джемаля — мы и должны подходить к его философии, к звуку его слов. Или не должны. В этом вопросе, как практически во всех связанных с удивительной метафизикой восстания против бытия Гейдара Джемаля, никакой определенности и того, что хотя бы отдаленно напоминало ясность, у меня, признаюсь, нет. Я доверял ему при жизни, соглашаясь с тем, что, как он настаивал, он уже мертв. Сегодня, когда он мертв, я ясно и пронзительно ощущаю присутствие его жизни.

Сергей Жигалкин

СОЖГИ БЕСПОЛЕЗНОЕ «ЭТО»

О метафизике Гейдара Джемалья

Гейдар Джемаль... Кем он, собственно, был? Чтобы ответить на этот вопрос, поставим его по-другому, в духе Гейдара: кем он со всей очевидностью *не* был? А *не* был он кабинетным философом. Метафизика и жизнь были для него одним и тем же: опасности, риск, авантюрные путешествия, дальние страны — это жизнь, но это и метафизика, открытая в своей сокрушительной яви и чистоте.

«Опыт Абсолюта дан нам в его отсутствии», — говорил Гейдар, и эта доктрина служила ему ориентиром в течение всей жизни. Кажется, понять ее просто. Единое, Бог, или, как иногда говорят, Абсолют, не относится к миру сему, Он есть иное, непостижимое, трансцендентное, поэтому всё, что мы можем увидеть, почувствовать, вообразить, о чем можем подумать, — это не Абсолют: все Его образы, качества, свойства — людские фантазии, чепуха. Это называется апофатической теологией. Известна она со времен очень древних: присутствует в индуизме, в Античности, в верованиях авраамических, во многих других. Однако понять эту доктрину лишь «кабинетно», логически, означает ничего не понять...

Во фразе Гейдара есть два тайных слова, одно из них — «опыт», другое — «отсутствие». Из этой фразы ясно, что именно опыт, переживание, а вовсе не понимание, тем более рациональное, поставлено на первый план. То есть именно переживание, а не холодное знание, есть та инициатическая сила, которая ведет нас к иным горизонтам, пусть недостижимым.

Однако в данном случае речь идет о переживании отсутствия. Как это так? Лучший друг, дама сердца, выдающийся человек, пусть даже мы с ними видимся редко, одним своим присутстви-

ем в мире дают нам энергию, пробуждают желания, приводят в движение ум. То есть ощущение существования, *присутствия* подобного человека — это сила, которая воодушевляет, призывает нас к действию. Допустим, что тот, кого ценят и любят, вдруг умер, ушел в лучший мир. Что же взамен? Страх, неуверенность, пустота... Но также и ощущение, порой неотступное, *отсутствия* этого человека. Его нет нигде: ни здесь, ни у моря, ни где-то в горах, городах, его нет вообще в этом космосе, ни на одной из планет. Хотя подобное ощущение отсутствия — переживание не из приятных, а то и дорога в дурдом, оно всё же сила не меньшая, чем сила присутствия. И если этой силе, пусть кажущейся разрушительной, негативной, придать должно направление, наметить себе метафизический ориентир, то многое можно постичь, совершить. Не только спокойствие, счастье, безмерная красота открывают нам сферы иные, призывают нас вглубь или ввысь, но также страдание, боль... И если бы мы искали Бога с такой же любовью, упорством, отчаянием, силой, с какой мать всюду ищет, хотя и нигде не находит, на фронте убитого сына, то перед нами давно бы раскрылись другие, небесные измерения...

Поиск Бога, стремление к Абсолюту, никто не знает откуда взявшиеся в человеческой природе, незримой тенью стоят за этой фразой Гейдара. Ведь если такого стремления нет, невозможна ни сила, ни вся острота Его отсутствия. И именно в боли такого отсутствия нам тайно приоткрывается сам Абсолют.

О том, что понять доктрину одним лишь умом недостаточно, что надо в доктрину войти, ее пережить, даже ей стать, Гейдар знал с ранней юности. Он вспоминал такой, например, эпизод периода его первых встреч с Евгением Головиным:

«В какой-то момент я зафиксировал на бумаге некий гностический визион... В тот период мы с Женей уже активно ходили друг к другу в гости... Придя к нему в очередной раз, я выбрал, как мне показалось, удачный момент и изложил ему свой концепт. Однако вместо позитивной реакции я вдруг увидел, что Головин с трудом сдерживает раздражение, даже ярость.

„Такие видения надо заслужить. К ним надо ползти через боль и лишения, через тщету“, — с силой выговорил он. Я был шокирован и обижен. Я же знал про себя, что это не игра в метафизику, не

интеллектуальная спекуляция. Для меня в этих визионах была вся жизнь. Реакция Жени показалась мне в высшей степени несправедливой. С этим чувством обиды я и ушел от него тогда»¹.

Понятно, что планка подлинного переживания была поставлена Головиным на непомерную высоту, тем не менее из данных строк видно, какую значимость придавал этому и Гейдар.

«Из всего написанного я люблю только то, что написано собственной кровью. Пиши кровью — и ты узнаешь, что кровь есть дух», — резюмирует Ницше².

То, что метафизика для Гейдара не была лишь интеллектуальной спекуляцией, подтверждается в том числе и его поведением, чувствами в ситуациях неординарных, опасных. Его действия, мысли и чувства действительно были *другими*, не такими, как у обычных, понятных людей.

Помню, однажды на Памире мы попали в пургу. На большой высоте. Близилась ночь. Снег по колено, но ровное плато в окружении горных пиков, хребтов, давно уже скрытых во мгле. Шквальные ветры, вьюжные вихри один за другим, сплошная метель. Видимость где-то полметра: вытянутая рука пропадала от локтя в белой кружащейся тьме. Никаких ориентиров, идти дальше некуда: остановка, привал. Поставили спешно палатку, одну из имевшихся двух, забрались в нее вчетвером. Можно было только сидеть, тесно прижавшись друг к другу. Подо дном прессовался, подтаивал снег, и вместе с палаткой мы сантиметр за сантиметром потихоньку проваливались вниз. А сверху и нас, и весь мир заносил снег, снег и снег. Ситуация была не из приятных: кто знает, сколько продлится пурга... Сидели почти без движений всю ночь. У Гейдара никакого отчаяния, страха, лишь странно блестели глаза: казалось, он весел, бодр, рад. Зависнуть во тьме на краю бытия без всяких гарантий на будущее явно импонировало ему. Причем импонировало не только его философии, взглядам, но, главное, — *чувству*... Потом он запел. Репертуар — военные марши. На разных языках. Бодрости духа хоть отбавляй. В фантазии проносились спартанцы и римские легионы, триеры и конницы, мало ли что...

¹ Где нет параллелей и нет полюсов: Памяти Евгения Головина. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 214–215.

² Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Глава «О чтении и писании».

Как-то я спросил у Гейдара, что он чувствует в ситуациях крайне опасных, которые часто бывают в горах? В том числе страха? «Нет, — он сказал, — страха нет, только кайф. Порой — также ужас, но вместе с ним — кайф».

Только не путайте с экзальтацией от адреналина: кайф, о котором он говорил, совершенно другой. Это связано с дыханием смерти, которым пронизана вся его философия и, соответственно, вся его жизнь.

Memento mori — совет, даже призыв. Но Гейдару напрягаться для следования этому призыву было не нужно: он помнил о смерти всегда.

Смерть. В книге «Ориентация — Север» он различает гибель и истинную смерть. Предчувствие гибели, исчезновения доступно спящим существам, погруженным в мираж жизни, тогда как истинная смерть — лишь пережившим духовное рождение. Истинная смерть — это полное отчуждение от собственной личности, рода, планеты и космоса, в конечном счете вообще от всего имманентного. Это радикальная оппозиция ко всему зримому и мыслимому, даже к ничто. Истинная смерть есть парадоксальное вторжение иного, непостижимого, запредельного, подлинного трансцендентного, которого нет, но которое тем не менее и тем самым инициирует бунт против имманентной реальности и духовное пробуждение.

«Ориентация — Север» написана в самом начале 1980-х годов, в первый период жизни и деятельности Гейдара. Южинский переулок, московский метафизический андеграунд — сообщество ярких, неординарных людей. Гейдар — одна из центральных фигур. Интеллектуальная свобода почти абсолютная: можно мыслить, писать, рассуждать, не примериваясь ни к чему, не оглядываясь ни на что. Компромиссы, какой-либо конформизм отсутствуют, исключены — их просто нет. Беседы, полемики, споры... всюду, везде, без конца. Жизнь андеграунда — это торнадо: и скорость, и мощь, и кошмар... высоты и бездны... Аналогов нет... Именно в такой, особенной атмосфере, когда подняты все якоря, написана книга «Ориентация — Север». О смерти в ней сказано многое. Однако не всё: в бесконечных дискуссиях, беседах, при встречах Гейдар раскрывал эту тему всегда в новых ракурсах, с разных сторон.